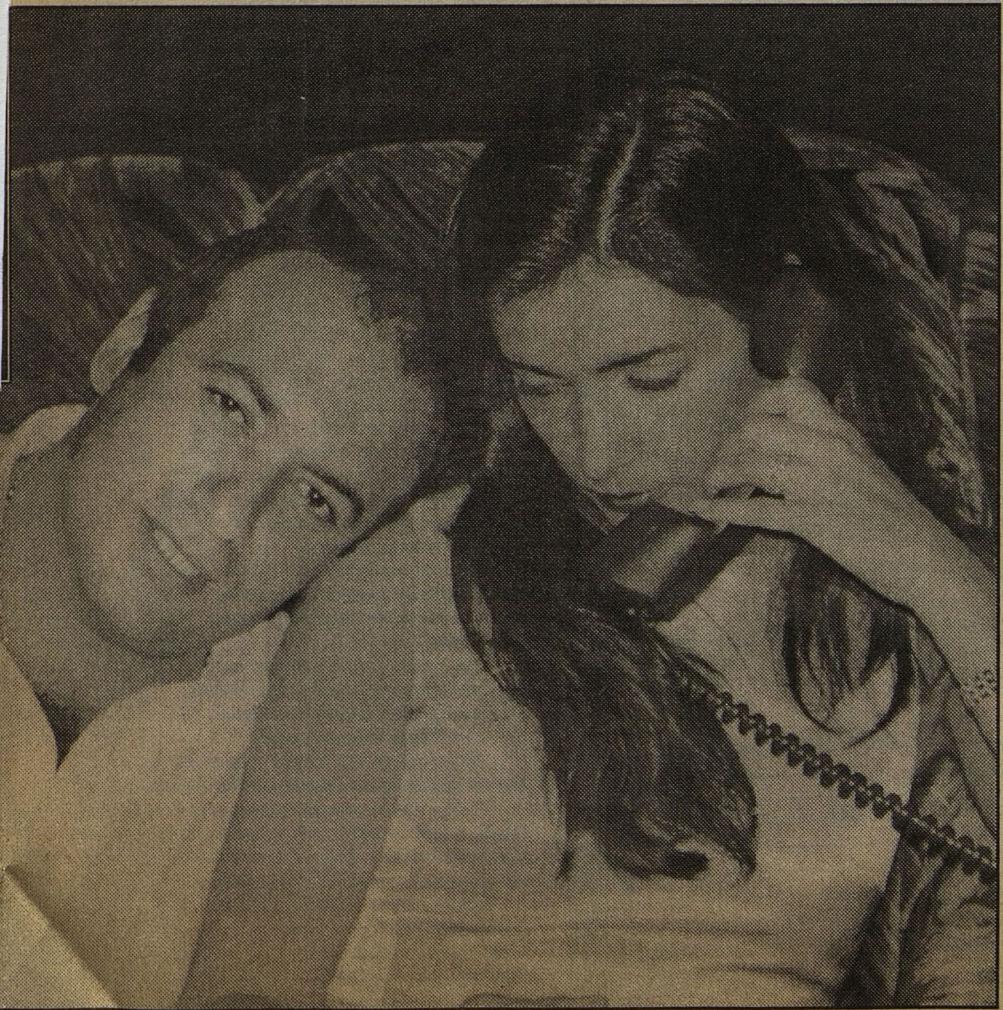

КРУТОЙ

Моск. правда. - 1997. - 10 окт. - с. 9, 10, 11.

ИГОРЬ

Омпозитор и продюсер с "говорящей" фамилией старается во всем – в словах и в делах – соответствовать крутому образу. Получается?

– Игорь, вы наверняка знаете, какой первый вопрос я хочу вам задать.

– Про фамилию, наверное.

– Угадали. Зато я знаю, что вы хотите мне на это ответить.

– И что же?

– Думаете, послать меня сразу или немного погодя.

– Ничего подобного. Вам любопытно – вы спрашиваете, а мне-то зачем дергаться? Я фамилию не выдумывал, родители ею наградили. Да, когда-то стеснялся этой "крутизны", в детстве меня даже дразнили по-всякому – нравы в городе Гайвороне Кировоградской области были простецкими. Но я быстро научился отвечать на удар, поэтому желание смеяться надо мной у местных пацанов скоро пропало, а в дальнейшем я уже не дергался из-за фамилии.

Нет, соврал: комплексовал вплоть до музыкального училища. Знаете: шестнадцать лет, первая любовь, девчонки и вдруг – Крутой. Окончательно успокоился, когда стал писать песни, и пришла какая-то известность. Хотя даже после того, как песня "Мадонна" в исполнении Александра Серова стала шлягером, многие продолжали думать, что под псевдонимом Крутой скрывается маститый автор, решивший зачем-то сохранить инкогнито.

Продолжение – на обороте.

КРУТОЙ ИГОРЬ

Окончание.

Начало – на титульном листе "МузПравды".

– Как-то пока не замечал неудобства. Если совсем уж достанут, тогда подумаю об отъезде. Но сейчас так вопрос не стоит. Я ведь только музыку пишу в Штатах, а по-настоящему работаю здесь, в России. В США я – никто. Эмигрантский рынок не в счет, пройтись же в настоящий американский шоу-бизнес шансов практически нет. Я много времени и сил потратил, чтобы стать кем-то в России, с какой же стати это все бросать?

– Действительно, на английском дочь говорит уже лучше, чем на русском. Впрочем, это объяснимо: Вика не бывает в России, общается исключительно с американцами.

– *И на тянет на Родину?*

– А зачем? У дочери тут только бабушка, которая в любой момент готова слетать к внучке за океан.

Если же вернуться к проблеме адаптации в США, то дело не ограничивается незнанием языка. Важно войти в местную тусовку, быть принятим ею. Кстати, похожая ситуация и в России. Помню, как трудно было

что люди с улицы, мол, музыку ей не пишут. Сперва надо узнать друг друга, понять. Сколько времени понадобилось, чтобы Алла Борисовна перестала воспринимать вас случайным уличным прохожим?

– Не факт, что перестала. Мы ведь практически не сотрудничаем. Пугачева записала всего две мои песни, но одна из них – "Любовь, похожая на сон".

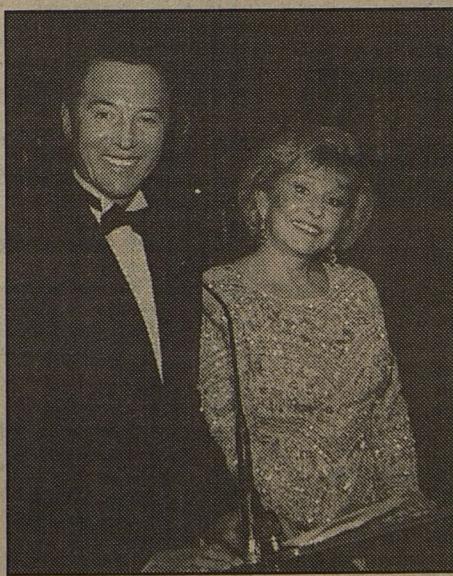
– А что вы не поделили с Аллой Борисовной, когда она обратилась к вам за помощью в организации концерта "Сюрприз для Пугачевой"?

– Но вы пытались взять Америку приступом?

– Я человек реальный, по земле хожу. Поэтому осторожно приблизился к американскому шоу-бизнесу, осмотрелся и так же осторожно отошел в сторону. В первую очередь, передо мной стоит языковая проблема. Нельзя работать в Штатах, не зная хорошо английского.

– Но вы ведь музыку пишете, а не стихи слагаете. В конце концов у вас в Нью-Йорке живет дочь. Наверняка освоилась в английском. Давала бы уроки папе.

мне, приехавшему из провинциального украинского Николаева, пробиваться в Москве. Попасть в элитарный клуб композиторов-песенников оказалось очень сложно. Не пускали. Один и тот же состав худсоветов сидел и на телевидении, и на радио, и в фирме грамзаписи "Мелодия". Игоря Николаева ввела в круг Аллы Пугачева, исполнявшая его песни, Володю Матецкого – София Ротару. А мне кто мог подсобить? Саша Серов, который самился за признание?

– И кто же в итоге вас сосватал?

– Мы с Сашей стали спиной к спине и прорвались.

– Однажды вы рассказывали, как впервые предложили песню Алле Пугачевой, а та ответила,

– Не было такого. Ничего мы не делили. Этот концерт устроили Алла Борисовна и Филипп Борисович.

– Бедросович.

– Ну да.

– Вы стали забывать отчество Киркорова после того, как он перестал сотрудничать с вами и перешел к Сергею Лисовскому?

– Ничего я не забывал, оговорился... Что касается гастрольного тура Филиппа, организованного ЛиСС, то мы, наверное, не смогли бы провести его столь масштабно, у нас нет подобных рекламных возможностей. Устройство гастролей в нашей стране – чрезвычайно неблагодарное дело, обязательно случится какой-нибудь ляпсус: или самолет опоздает, или гостиницу не ту закажут. Мне не хотелось бы стоять в извиняющейся позе перед артистом, поэтому гастрольными турами мы практически не занимаемся, проводим большинство концертов в Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, иногда – в Киеве. Есть определенные площадки, с которыми мы сотрудничаем, а тридцать городов за месяц – это не для нас.

К тому же Филипп во всех интервью заявляет, что счастлив работать с Лисовским, строит грандиозные планы на будущее. Ради Бога! У меня нет никакой обиды. Разве на Филиппа можно обижаться?

Да и некогда мне этим заниматься. Дел много.

Андрей ВАНДЕНКО –
специально для ИД "Новый Взгляд".
Фото Руслана РОЩУПКИНА.

ВЗГЛЯД

КРУТОЙ ИГОРЬ

Продолжение. Начало –
на титульном листе "МузПравды".

Сегодня маскироваться глупо. Имя мое достаточно известно в музыкальных кругах, да и возглавляемая мною фирма – не последняя в своем деле.

– И пресса вас не забывает. Какие, к слову, у вас отношения с ней?

– Никакие.

– Журналистов надо любить.

– Извините, сердцу не прикажешь. Понимаю, лучше иметь прессу союзником, чем врагом, но и выворачиваться наизнанку не стану. Периодически читаю о себе разные небылицы, однако никогда не опускаюсь до разборок и выяснений. Алла Борисовна почувствовала в себе готовность на глазах всей страны разбираться с Отаром Кушанашвили – ее право. Я этого делать не хочу. Одна умная женщина мне как-то сказала: "Зачем оправдываться? Мне-то известно, что я – хорошая".

– И вы – хороший?

– Я вам процитировал чужие слова. Знаете, все эти публичные баталии за места в рейтингах для лучших и крутых...

– Крутых – с маленькой буквы?

– Конечно! Так вот: вся эта суэта меня не слишком занимает. Есть мои концерты, есть альбомы, записанные с прекрасными артистами. Это главное, таков мой ответ.

– Но вам ведь мало быть просто композитором, иначе вы не создавали бы АРС, не занимались бы

телепроектами.

– Нет, ради Бога, пусть бывают. Понимаю: не получает по шее только тот, кто ничего не делает. Бизнес у меня обширный, поэтому и поводов для конфликтов хватает. Умуют – оботрусь и дальше работаю. Вдруг

– Отвергнутые мелодии пристраиваете?

– Я не употребляю это слово. Песня может не подойти одному певцу, но идеально зазвучать в исполнении другого. Бывает и так, что иные мелодии годами лежат в запаснике. Таких накопилось уже много. Что-то, наверное, придется поменять, что-то, может, и вовсе не будет востребовано. Это не страшно, главное, чтобы новые мелодии рождались. Когда совсем иссякну, тогда выйду на пенсию и уеду куданыбудь подальше от нашей тусовки.

– Судя по загару, вы и сейчас вернулись из мест, где – не в пример Москве – жарко и солнечно.

– Да, неделю отдохнул в Майами. Выдалось несколько дней перерыва между записями альбомов Иры Аллегровой и Лаймы Вайкуле.

напишут в газете, что все артисты отказываются петь мои песни, а я именно в этот момент выпускаю альбомы с Шуфутинским, Вайкуле, Аллегровой. Как такое комментировать? Смех и грех.

– К слову, есть реальные отказники?

– До сегодняшнего дня ни одного не обнаружил.

– А случаи, когда артисту не подходит ваша песня, бывают?

– Этого – сколько угодно.

– Переубедить, дождаться исполнителя не пытаешься? Скажем, взвывать к совести: "Валера, эту мелодию написал специально для тебя. Послушай еще разок".

– Мне легче другую сочинить, иначе все будет выглядеть как-то унизительно: возьми, ну пожалуйста... С песнями так нельзя. К слову, Леонтьев никогда прямо не отказывает. Он интеллигентный человек, сначала долго работает на записи. Он работает, я работаю. Неделя проходит, вторая...

– Денежки за студию капают.

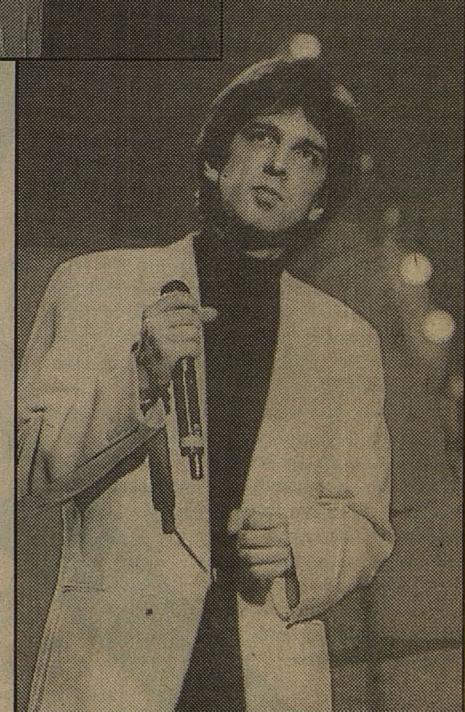
– Не в том дело. Идет творческий процесс! Спустя время Валера говорит: "К сожалению, я не справился с данным выдающимся произведением. Извини". И – все.

– Вам, наверное, сразу становится неудобно, что заставили талантливого певца тратить силу на подобную ерунду?

– Ерунду, не ерунду, но сажусь писать новую песню. Иногда случается, что Валера бракует мелодии еще на начальном этапе: я отправляю ему кассету, он прослушивает, потом перезванивает и говорит, что берет, допустим, первую, вторую и пятую мелодии. Бывает, сам заказывает песни на конкретные сюжеты, скажем, о трамвае или о звездах.

– А кто еще имеет право вето на ваши песни?

– Все исполнители, с которыми я работаю. И Аллегрова, и Шуфутинский. С Сашей Буйновым трудно работать, он всегда четко знает, что именно ему нужно, какая песня найдет отклик у слушателя.

– Работали в Штатах?

– Так удобнее. Во-первых, цена за аренду студии не намного больше, чем в России, а качество записи – неизмеримо лучше, во-вторых, я стараюсь проводить лето с семьей в Нью-Йорке.

– Вы ведь давно уже живете между Россией и Америкой?

– Последнюю пару лет. Борт самолета превращается в дом родной.

– Ваша жена имеет американское гражданство, а вам краснокожая советская паспортина карман не ждет?

Окончание – на соседней стр.